

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ
ВЫХОДИТ С ЯНВАРЯ 1973 г.

1

1979

Главный редактор — Леонард ЛАВЛИНСКИЙ

Редколлегия: Гурам АСАТИАНИ,
Вадим БАРАНОВ,
Альберт БОГДАНОВ,
Чингиз ГУСЕЙНОВ,
Сергей ДАРОНЯН,
Валерий ДЕМЕНТЬЕВ,
Игорь ДЗЕВЕРИН,
Николай ЗАДОРНОВ,
Георгий ЗЛОБИН,
Владимир ЗОЛОТАВКИН,
Леонид ИВАНОВ,
Мухамеджан КАРАТАЕВ,
Лазиз КАЮМОВ,
Зоя КЕДРИНА,
Виталий КОРОТИЧ,
Феликс КУЗНЕЦОВ,
Валентин ОСКОЦКИЙ,
Михаил ПАРХОМЕНКО,
Никифор ПАШКЕВИЧ,
Владимир ПИСКУНОВ,
Тимофей ПРОКОПОВ
(ответственный секретарь),
Миколас СЛУЦКИС,
Валентин ХМАРА

(заместитель главного редактора),
Аркадий ЭЛЬЯШЕВИЧ,
Борис ЯКОВЛЕВ
(первый заместитель
главного редактора)

Д. ЛИХАЧЕВ,
академик

Связь всех связей

Д. С. ЛИХАЧЕВ — академик, автор более двадцати книг, в числе которых «Возникновение русской литературы» (1952), «Человек в литературе Древней Руси» (1958, 1971), «Поэтика древнерусской литературы» (1967, 1971), «Слово о полку Игореве» и культура его времени» (1978), а также многих статей по истории русской литературы и культуры.

В задачу моей заметки не входит рассмотрение того, что такое филология. Это нельзя сделать простым определением. В разное время под филологией понимались разные области культуры: именно культуры, а не только науки. Поэтому ответ на вопрос о том, что такое филология, может быть дан только путем детального, кропотливого исторического исследования этого понятия, начиная с эпохи Ренессанса по крайней мере, когда филология не возникла (возникла

она значительно раньше), но заняла очень существенное место в культуре гуманистов.

Сейчас время от времени вопрос о необходимости «возвращения к филологии» поднимается вновь и вновь. Филологом, развивавшим различные области филологии, стремившимся утвердить эти области как отдельные научные дисциплины, был В. Виноградов. Но, насколько я помню, В. Виноградов не писал о филологии как таковой.

Весьма значительную статью, поднимающую вопрос о необходимости особого внимания к филологии, напечатал Р. Будагов в журнале «Филологические науки» (1976, № 1) «О некоторых общих проблемах филологии». К сожалению, статья Р. Будагова, хотя и была помещена в журнале, специально посвященном филологическим наукам, не встретила должных откликов.

Существует ходячее представление о том, что науки, развиваясь, дифференцируются. Кажется поэтому, что разделение филологии на ряд наук, из которых главнейшие лингвистика и литературоведение, — дело неизбежное и, в сущности, хорошее. Это — глубокое заблуждение.

Количество наук действительно возрастает, но это появление новых наук идет не только за счет их дифференциации и «специализации», но и за счет возникновения связующих дисциплин. Сливаются физика и химия, образуя ряд промежуточных дисциплин. С соседними и несоседними науками вступает в связь математика, происходит «математизация» многих наук. И замечательно: продвижение наших знаний о мире происходит именно в промежутках между «традиционными» науками. Не стоит приводить примеры: они общеизвестны.

Роль филологии именно связующая, а поэтому и особенно важная. Она связывает историческое источниковедение с языкознанием и литературоведением. Она придает широкий аспект изучению истории текста. Она соединяет литературоведение и языкознание в области изучения стиля произведений — наиболее сложной области литературоведения. По самой своей сути филология антиформалистична, ибо учит правильно понимать смысл текста, будь то исторический источник или художественный памятник. Она требует глубоких знаний не только по истории языка и языков, но и знания реалий той или иной эпохи, эстетических представлений своего времени, истории идей и т. д. и т. д.

В печатающейся в этом же номере журнала статье Я. Билинкиса «Доверие к слову» приведено достаточное количество примеров того, как важно филологическое понимание значения слов. Мне хочется добавить к примерам, приведенным в статье Я. Билинкиса, и другие, где новое значение возникает из сочетания слов, а иногда и из их простого повторения. Вот несколько строк из стихотворения «В гостях» хорошего поэта, и притом простого, доступного:

И все торчит.
В дверях торчит сосед!
Торчат за ним разбуженные тетки!
Торчат слова!
Торчит бутылка водки!
Торчит в окне безрадостный рассвет!
Опять стекло оконное в дожде,
Опять туманом тянет и ознобом...

(Н. Рубцов)

Если бы не было в этой строфе двух последних строк, то и повторения «торчит», «торчат» не были полны смысла. Но объяснить эту магию слов может только филолог...

Дело в том, что литература — это не только искусство слова: это искусство преодоления слова,

приобретения словом особой «легкости» от того, в какие сочетания входят слова. Над всеми смыслами отдельных слов в тексте, а вернее, над текстом витает еще некий метасмысл, который и превращает текст из простой знаковой системы в систему художественную. Сочетания слов, а только они рожают в тексте ассоциации, выявляют в слове необходимые оттенки смысла, создают эмоциональность текста. Подобно тому, как в танце преодолевается тяжесть человеческого тела, в живописи преодолевается однозначность цвета благодаря сочетаниям цветов, в скульптуре преодолевается косность камня, бронзы, дерева, так и в литературе преодолеваются обычные словарные значения слова. Слово в сочетаниях приобретает такие оттенки, которых не найдешь в самых лучших исторических словарях. Поэзия и хорошая проза ассоциативны по своей природе. И филология толкует не только значения слов, а художественное значение всего текста. Совершенно ясно, что нельзя заниматься литературой, не будучи лингвистом, нельзя быть текстологом, не вдаваясь в потаенный смысл текста, всего текста, а не только отдельных слов текста.

Замечательный советский литературовед-филолог Б. Томашевский ввел понятие суггестивности слова — слова, которое означает больше, чем оно называет, «знаком» чего является. Это суггестивное слово всегда наличествует в поэзии — тогда ли, когда оно входит в метафору, в символ, или само ими является, тогда ли, когда оно связано с реалиями, требующими от читателей некоторых знаний, тогда ли, когда оно сопряжено с историческими ассоциациями.

Л. Гинзбург в своей книге «О лирике» приводит следующий пример из стихотворения О. Мандельштама о театре Расина:

...Я не услышу обращенный к рампе
Двойною рифмой оперенный стих...—

и пишет по поводу этих двух строк: «Для правильной работы ассоциаций читатель здесь должен знать о парной рифмовке александрийского стиха, о том, что актеры классического театра произносили свои монологи, обращаясь не к партнеру, а к публике, в зал («к рампе»).

Для большинства современных читателей и даже поклонников поэзии О. Мандельштама эти две строчки из его поэзии оставались бы совершенно непонятными, если бы на помощь ему не приходил филолог — именно филолог, ибо сообщить читателю одновременно сведения об александрийском стихе и о манере актерской игры на классической сцене может только филолог. Филология — это высшая форма гуманитарного образования, форма соединительная для всех гуманитарных наук.

Я не хочу никого из историков обижать, но я мог бы показать на десятках примеров, как страдает историческое источниковедение от того, что историки древней Руси превратно толкуют тексты, обнаруживают не только свое незнание истории русского языка, но и древнерусской культуры. Следовательно, филология нужна и им.

Поэтому не должно представлять себе, что филология связана по преимуществу с лингвистическим пониманием текста. Понимание текста есть понимание всей стоящей за текстом жизни своей эпохи. Поэтому филология есть связь всех связей. Она нужна текстологам, источниковедам, историкам литературы и историкам науки, она нужна историкам искусства, ибо в основе каждого из искусств, в самых его «глубинных глубинах» лежат слово и связь слов. Слово связано с любыми формами бытия, с любым познанием бытия: слово, а еще точнее, сочетания

слов. Отсюда ясно, что филология лежит в основе не только науки и наук, но и всей человеческой культуры. Знание и творчество оформляются через слово и через преодоление косности слова рождается культура.

Чем шире круг эпох, круг национальных культур, которые входят ныне в сферу образованности, тем нужнее филология. Когда-то филология была ограничена главным образом знанием классической древности, теперь она охватывает весь мир и все времена. Тем нужнее она сейчас, тем она «труднее», и тем реже можно найти сейчас настоящего филолога.